

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Шабанова Т.А. Метафорическое моделирование лингвокультурой категории СВОИ-ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Barcelona A. On the Plausibility of Claiming a Metonymic Motivation for Conceptual Metaphor. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*, Berlin/New York, 2003.

Barnden J. Metaphor and Metonymy. Making their Connections More Slippery. [Электронный ресурс]. URL: www.cs.bham.ac.uk/jab/ATT-Meta/Papers/cogling.slippery.june09.pdf.

Buchanan P. Churchill, Hitler, and the Unnecessary War: How Britain Lost its Empire and the West Lost the World. New York, 2008.

Cislaru G. Metonymic Modelling of Discourse, Discourse Modelling of Metonymy. *The Case of the Place-Name Based Metonymies. Culture, Language and Representation*, 2007, vol.5.

Kövecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction*. New York, 2002.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York, 1999.

Martin de Leyn C. Metonymic Motivation of the Conduit Metaphor. [Электронный ресурс]. URL: www.metaphorik.de/en/journal/06/metaphorikde-062004.html.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МОРСКОЙ МЕТАФОРЫ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Л.А. Козлова, Е.В. Буланова

Ключевые слова: метафора, национально-культурная специфика, образы сознания, концепт, концептуальная интеграция, область-источник, перевод, трансфер образа.

Keywords: metaphor, national-cultural specificity, mental images, concept, conceptual integration, source domain, translation, transfer of image.

На современном этапе развития лингвистики взаимосвязь человеческого сознания, языка и культуры фактически принята за аксиому: язык можно представить как видимую верхушку огромного айсберга человеческого сознания [Демьянков, 1995, с. 306], погруженного в океанические воды культуры народа. Данная взаимосвязь закономерно отражается в динамичном развитии таких

интегративных наук, возникших во второй половине XX века, как когнитивная лингвистика, рассматривающая широкий круг вопросов, касающихся соотношения языка и сознания, а также лингвокультурология и этнолингвистика, изучающие взаимосвязь языка и культуры. Следствием углубления интеграции смежных наук, то есть экспансионизма как парадигмальной черты современной лингвистики, также является возникновение так называемой культурологической лингвистики (*cultural linguistics*), которую Г. Палмер характеризует как синтез когнитивной лингвистики, антропологической лингвистики, этносемантики (этнонауки) и этнографии коммуникации [Palmer, 1996, p. 4–5]. Появление такой синтетической дисциплины представляется вполне закономерным в свете значимости вопросов, находящихся на стыке названных выше отраслей языкознания.

Как пишет Р. Лангакер, знания о мире, запечатленные в слове, всегда «культурно окрашены» [Langacker, 1997, p. 240–241]. В культурологическом и одновременно когнитивном ракурсе язык понимается как «вербальная репрезентация образов сознания, сформированных на основе чувственного опыта, полученного через все каналы чувственного восприятия посредством его концептуальной обработки, и образующих когнитивные модели, в которых и находит свое отражение специфика культуры» [Козлова, 2015, с. 37].

При этом культура выступает как феномен вездесущий: она не может проявляться в одной грани языка, не проявляясь в другой. Она пронизывает всю языковую систему, и национально-специфическое находит свое проявление в единицах всех уровней языка: в фонетике, грамматике, и, безусловно, очевиднее всего в лексике языка [Добричев, Козлова, Пшенкина, 2013]. В свою очередь, среди лексических явлений, в которых проявляется национально-культурная специфика, особое место занимает метафора. Однако если ранее в центре внимания находились эмоционально-оценочный и экспрессивный аспекты метафоры как стилистического приема художественного текста, то сегодня метафора интересует исследователей в большей мере как явление когнитивного порядка. Как отмечает Т.В. Черниговская, «кодирование, «упаковка» знаний о мире в художественной форме гораздо полнее и экономичнее, чем в научной [Черниговская, 2013, с. 26].

Кардинальная смена статуса метафоры, изменение отношения к этому явлению произошли, прежде всего, благодаря работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, 2004], которая в 80-е годы XX века действительно в своем

роде перевернула сознание. А.Н. Баранов (лингвист, переводчик и автор предисловия к русскому переводу книги) метко назвал ее «Библией когнитивного подхода к метафоре» [Баранов, 2004, с. 7].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, человек прибегает к метафоре, концептуализируя действительность, думает и говорит об одних (как правило, более сложных, абстрактных) понятиях в терминах других (чаще всего базовых концептов). Человек говорит в соответствии с тем, как это понимает, а значит, сознание и язык метафорически структурированы. Основа метафоризации в двухпространственной модели Лакоффа-Джонсона описывается как взаимодействие двух структур знания, или когнитивных структур: области-источника (*source domain*) и области-цели (*target domain*).

Исследуя способность человека мыслить об одной области опыта в терминах другой, понимать и описывать действительность на основе имеющегося опыта, Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривали конвенциональные метафоры – «определяющие строение обыденной концептуальной системы нашего общества, которая отражается в повседневном употреблении языка» [Лакофф, 2004, с. 169]. В стилистике конвенциональные метафоры получили название стертых, или мертвых метафор, то есть таких метафор, которые стали фактами языка и пополнили словарь, что и дало основание Дж. Серлю определять мертвые метафоры как те, которые выжили, то есть остались в языке [Серль, 1990, с. 313].

В 90-е годы исследование концептуальной метафоры получило дальнейшее развитие в теории концептуальной интеграции (*conceptual integration, the theory of blending*) М. Тернера, Ж. Фоконье, Е. Свитсер [Sweetser, Fauconnier, 1996; Turner, Fauconnier, 1999 и др. работы]. Значительный вклад в развитие теории внесли также Дж. Грейди, Т. Оукли, М. Фриман и С. Коулсон [Grady, Oakley, Coulson, 1997; Fludernik, Freeman and Freeman, 1999 и др.].

В теории концептуальной интеграции вместо двух пространств (источника и цели) используется четырехпространственная модель: два исходных пространства (*input spaces*); общее (*generic space*) пространство, содержащее концептуальные структуры, имеющиеся в обоих исходных пространствах; и пространство бленда (*blended space, blend*), представляющее собой зону интеграции и взаимодействия исходных пространств. Новое содержание, порождение нового смысла, возникающего в бленде – так называемые эмерджентные структуры (*emergent content/structure*), позволяет объяснить те феномены, которые в теории концептуальной метафоры не поддавались столь точному и ясному определению. И если Дж. Лакофф и М. Джонсон

лишь вскользь коснулись индивидуальных, творческих метафор, то в теории блендинга процесс метафоризации предстает, прежде всего, как динамический смыслообразовательный онлайн-процесс. При этом регулярные конвенциональные образцы метафорической концептуализации не противопоставляются, а, скорее, служат материалом для процессов создания новых смыслов в режиме реального времени, новейших уникальных блендов. Авторы теории блендинга отмечают, что, поскольку эти новые смыслы понимаются без затруднений, следовательно, процессы генерирования и интерпретации блендов хорошо развиты и являются базовыми для когнитивного механизма [Grady, Oakley, Coulson, 1997].

Таким образом, метафоры рождаются в сознании человека, это процесс творческий и происходящий здесь и сейчас. Человек живет метафорами, и не только теми, которые сформированы коллективным сознанием, о которых писал Дж. Лакофф, но и в том числе нетривиальными, новыми, динамичными, произведенными в процессе его мыслительной деятельности спонтанно. Роль механизма метафоризации как когнитивного процесса для человека заключается в стремлении понять, осмыслить и объяснить действительность и самих себя. Покажем это на следующем примере.

Американская писательница Энн Линдберг в книге «Подарок моря» размышляет: *«The shell in my hand is deserted. It once housed a whelk, a snail-like creature, and then temporarily, after the death of the first occupant, a little hermit crab, who has run away, leaving his tracks behind him like a delicate vine on the sand. He ran away, and left me his shell. It was once a protection to him. I turn the shell in my hand, gazing into the wide open door from which he made his exit. Had it become an encumbrance? Why did he run away? Did he hope to find a better home, a better mode of living? I too have run away, I realize, I have shed the shell of my life, for these few weeks of vacation»* [Lindberg, 1965, p. 21–22]. В раздумьях о своей жизни, смысле, предназначении, обязанностях женщина идет по берегу моря, находит раковину моллюска. Наблюдая картину того, как маленький рак-отшельник покидает раковину, рассматривая ее, задумываясь о жизни этих маленьких существ, она находит сходство с ее собственной жизнью, конечно отдаленное, но так точно передающее ее настоящее настроение, мысли, проблемы. Так появляется ниточка ассоциативной связи, дающая жизнь новой метафоре, возникающей в сознании.

Еще Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечали, что метафоры возникают на мощном культурном основании, они высвечивают

именно то, что тесно соотносится с нашим опытом в рамках данной культуры, скрывая то, что не соотносится или мало соотносится с ним.

Итак, метафоры в сознании человека зарождаются с учетом осмысления накопленного опыта, а этот опыт несет в себе отпечаток культуры или нескольких культур, хотя, безусловно, в нем присутствуют универсальные черты. Возникновение метафоры свидетельствует о появлении концептуальной связи, о внимании к некоему явлению / объекту, метафоризируется то, что значимо для человека, являющегося представителем того или иного этноса.

Рассмотрим роль концептов МОРЕ, ОКЕАН (а также тесно связанных с ними «морских» концептов в англоязычном сознании) и их использование в качестве области-источника метафоры.

Осознанно или случайно, но, говоря о тех трансформациях и кардинальных изменениях, которым подвергалась теория метафоры в XX веке, исследователи используют так называемую морскую метафору: *«In the course of the twentieth century metaphor theory has undergone several sea changes»* [Fludernik, Freeman and Freeman, 1999]. В выражении *«sea change»* («кардинальные изменения»), заимствованном у Уильяма Шекспира в пьесе «Буря» [English Oxford living dictionaries, URL], задействован один из важнейших концептов, характерных для сознания носителей английского языка – концепт МОРЕ. В данном случае мы имеем дело со стертой, или конвенциональной метафорой, широко используемой в названиях книг, фильмов, музыкальных произведений, в политическом дискурсе и в обыденной речи. К другим примерам таких метафор, использующих концепт МОРЕ в качестве области-источника, можно отнести следующие: *sea of sorrow*, *sea of tears*, *sea of troubles*, *sea of uncertainty*, частотность их использования подтверждается данными корпусов английского языка¹.

Значимость концепта МОРЕ в англоязычном сознании подтверждается тем, что наряду с конвенциональными метафорами, сформировавшимися на основе данного концепта, в языке активно создаются авторские динамические «морские» метафоры, из чего можно сделать вывод, что данная концептуальная модель продуктивна, воспроизводима.

Географическое положение, в частности островное положение Великобритании, дающее наглядное представление о больших скоплениях воды, формирует в англоязычном сознании образ

¹ <http://corpus.byu.edu/corpora.asp>, <http://corpus.leeds.ac.uk/protected/query.html>, <http://corpus.byu.edu/coca/>, <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>, <http://googlebooks.byu.edu/x.asp>.

множества, основанный на таких концептах, как МОРЕ и ОКЕАН. Базовая конвенциональная метафора «море / океан – множество» часто служит источником для нетривиальных авторских метафор, являющихся результатом концептуальной интеграции.

Так, британская писательница Софи Кинселла предлагает читателям метафору с ярко выраженным национально-культурным основанием – «*more крошек*»: «*I gave up on the “light sandwich lunch” almost straightaway. At least, I briefly tried sawing away at two loaves of bread—and ended up with huge, wonky slices, each one more misshapen than the last, lying in a sea of crumbs*» [Kinsella, 2006, p. 97]. В переводе В. Рединой происходит замена образа моря на более привычное для русского читателя выражение «*куча крошек*»: «*От «легкого обеда с сэндвичами» я отказалась практически сразу. Мне показалось, я несколько часов подряд пилила две булки – а в итоге у меня получилось десять громадных неряшливых кусков, один страшнее другого, и куча крошек на столе*» [Кинселла, 2013, с. 42].

Большой объем работы, в частности интеллектуальной, также может выражаться с помощью образа моря, в котором можно утонуть: «*Reeling a little from our intense absorption, we come back with relief to the small chores of getting lunch, as if they were lifelines to reality - as if we had indeed almost drowned in the sea of intellectual work and welcomed the firm ground of physical action under our feet*» [Lindberg, 1965, p. 101]. Здесь необъятное море, способное поглотить человека, противопоставляется твердой почве, суше, земле, надежной опоре, так же как большое количество умственной работы – работе физической, более приземленной и понятной.

Другое противопоставление, характерное для англоязычного сознания, находим в яркой образной метафоре, созданной той же Энн Линдберг: «*I feel we are all islands – in a common sea*» [Lindberg, 1965, p. 40]. Область-цель метафоры – отдельный человек, индивидуальность в общей огромной массе людей, в качестве области-источника метафоры использован концепт МОРЕ, отдельный человек воспринимается писателем как одинокий остров в бескрайнем людском море.

Роль квантификатора со значением огромного, неизмеримого множества способен играть концепт ОКЕАН, который в творческом процессе порождения новых смыслов может предстать как «*ocean of dollars*»: «*... the American gangster would still have a vast ocean of dollars to launder*» [Forsyth, 2010, p. 447]. И если метафорические выражения «денег море» или «доллары наводнили экономику» можно считать типичными для русскоязычного дискурса, то «океанами» денежную

массу измерять не принято. Вместе с тем, в данном случае смысл метафоры достаточно прозрачен, кроме того, сам образ, выраженный метафорически, сложно передать нейтральной лексикой без потери адекватности перевода, что, вероятно, явилось мотивом для сохранения переводчиком авторской метафоры: «... у американского гангстера останется бескрайний океан долларов, нуждающихся в отмывании» (перевод С. Саксина) [Форсайт, 2011, с. 18]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в том случае, когда образ, лежащий в основе метафоры языка-источника, является понятным в принимающем языке, может иметь место трансфер образа.

В этой связи представляет большой интерес особенность языкового сознания билингвов. Так, анализируя метафоры, используемые в языке британского писателя Питера Мейла, много лет живущего во Франции, можно сделать вывод о том, что в языковом сознании автора удивительным образом совмещаются концепты разных культур. Так описывая область-цель, относящуюся к французской действительности (оливковые деревья), он использует концепт ОКЕАН, более характерный для носителей английского языка: «*I saw what he meant as we left the orchard behind us and entered an ocean of olive trees*» [Peter Mayle, 2000, p. 209]. В данном случае мы имеем дело с примером синкретизации языкового сознания, то есть совмещения в нем образов сознания двух языков, характерной для билингвов [Козлова, 2016, с. 329–331].

В.В. Набоков, русский и американский писатель-билингв, отвечая на вопрос о языке, на котором он думает, метафорически изысканно сформулировал свой ответ: «*Я не думаю ни на одном языке. Я думаю образами... и лишь иногда русская или английская фраза, вспенится мозговой волной, но вот, пожалуй, и все*» [Набоков, 1962, URL]. По мнению В.В. Набокова, сознание изначально образно, и, как демонстрирует данный пример, образ уже культурно-специфичен, метафора «черпается» писателем из области-источника концепта МОРЕ, то есть из того образа, который присутствует в его сознании. Напомним в этой связи определение метафоры, которое дает Л. Шлайн: «Метафора – это уникальный вклад правого полушария в языковую способность левого», то есть она является результатом сотрудничества образного и словесного мышления (цит по: [Оуэн, 2002, с. 3]). Экспериментальные данные, приводимые в работах Т.В. Черниговской, подтверждают эту мысль [Черниговская, 2013, с. 237–243].

Следует отметить, что морская метафорика широко используется также для характеристики эмоционально-чувственной сферы человека,

как, например, в следующем сочетании: *Of course he was joking. I feel a wave of humiliation* [Kinsella, 2012, p. 111]. Образ морской волны, разбивающейся о скалу, использует британская писательница Джоанн Харрис для описания эмоциональных взаимоотношений между людьми: «*I feel no point of contact with him, and my smile broke on him like a wave on a rock*» [Харрис, 2013, с. 66]. В переводе И. Новоселецкой – «*Я не нахожу точек соприкосновения с ним, моя улыбка разбивается об него, как волна о камень*» [Харрис, 2013, с. 67] – не совсем удачно выбрано вариантное соответствие для слова «rock». Поскольку скалистые берега – это еще одна особенность британского ландшафта, находящая свое отражение в английской метафорике, вероятно, использование варианта «скала» было бы более уместно с точки зрения соответствия области-источнику. В данном примере признак уподобления представлен эксплицитно, в форме сравнения, в метафоре же сходство подразумевается, выражается имплицитно. Вместе с тем, различаясь по способу вербальной репрезентации, метафора и сравнение имеют единую когнитивную основу, относятся к одной когнитивной категории [Fludernik, Freeman and Freeman, 1999, p. 385].

Среди морских концептов одними из наиболее часто встречающихся являются концепты TIDE и EBB. Насыщенную морскую гамму течений, приливов и отливов использует Э. Линдберг для описания абстрактных концептов, таких, как жизнь, любовь, отношения: «*We have so little faith in the ebb and flow of life, of love, of relationships. We leap at the flow of the tide, and resist in terror its ebb. We are afraid it will never return*» [Lindberg, 1965, p. 108]. Данными метафорами автор подчеркивает закономерность процессов смены состояний, относящихся к категориям жизни, любви, отношений, призывая воспринимать изменения как нечто естественное, доверяться потоку жизни, принимать и отлив, и прилив как данность, не пытаться остановить или сопротивляться движению жизни.

Похожий образ бессмысленности попыток сдерживать прилив морских волн, то есть человеческих желаний, чувств использует Дж. Харрис: «*One man – even a priest – cannot hold back the tide forever*» [Харрис, 2013, с. 270]. Примечателен перевод данной метафоры: «*Человек – даже священник – не может бесконечно сдерживать лавину*» (перевод И. Новоселецкой) [Харрис, 2013, с. 271]. Надо признать, что в целом замена волн прилива на лавину – это вполне обоснованная и удачная доместикация, прилив в русском переводе звучал бы достаточно чужеродно. Вместе с тем, с заменой образа прилива утрачена важная коннотация оригинальной метафоры, а

именно то, что морской прилив – это естественный процесс регулярного порядка, также как и прилив чувств, эмоций и желаний у человека, в том числе священника, в то время как лавина непредсказуема, спонтанна и представляет собой явление экстраординарное, экстремальное.

Конечно, нельзя не отметить еще один неотъемлемый компонент комплекса морских метафор – это бесчисленное множество обитателей морских глубин (рыбы, моллюски, водоросли и др.), достаточно часто присутствующих в английской морской метафорике. Приведем пример, отличающийся особой изысканностью: «... *a group of Gypsies, lean and swarthy and all in black, slithering through the crowd like sharks among a shoal of tropical fish*...» [Mayle, 2004, p. 230]. Помимо прочего в данном случае присутствует и подразумеваемая метафора «толпа (множество) людей – море», которая использовалась также Э. Линдберг в одном из вышеприведенных примеров.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что географическое положение Великобритании, особенности ее «островного» менталитета находят свое отражение в значимости концептов МОРЕ и ОКЕАН в языковом сознании носителей английского языка. Доминирование этих образов сознания в англоязычной картине мира обуславливает частотность их использования в качестве базис-источника метафоры для выражения значения множества. Эта национально-культурная специфика метафоры находит свое отражение в переводе. Как показало сопоставление оригинала и перевода морских метафор на русский язык, в процессе перевода может иметь место как трансфер образов сознания в принимающий язык, так и замена образа на иной, более характерный для русскоязычной картины мира.

Литература

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Добричев С.А., Козлова Л.А., Пшенкина Т.Г. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней. Барнаул, 2013.

Козлова Л.А. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте // Филология и человек. 2015. № 1.

Козлова Л.А. Синкретизм языкового сознания билингва и его отражение в метафоре // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Оуэн Н. Магические метафоры. 77 историй для учителей, терапевтов и думающих людей. М., 2002.

Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М., 2013.

English Oxford living dictionaries. [Electronic resource].

URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/sea_change.

- Fludernik M., Freeman D.C., Freeman M.H. Metaphor and Beyond: an Introduction // Poetics Today. 1999. Vol. 20.3.
- Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics. Amsterdam and Philadelphia, 1997.
- Langacker R.W. The Conceptual Basis of Cognitive Semantics // Language and Conceptualization. Cambridge, 1997.
- Palmer G. Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin, 1996.
- Sweetser E., Fauconnier G. Cognitive Links and Domains: Basic Aspects of Mental Space Theory // Space Worlds and Grammar. Chicago and London, 1996.
- Turner M., Fauconnier G. A Mechanism of Creativity // Poetics Today. 1999. Vol. 20, № 3.

Список источников

- Кинселла С. Богиня на кухне. Перевод с англ. В. Рединой. М., 2013.
- Набоков В. Набоков о Набокове и прочем. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/162221/slug/nabokov-o-nabokove-i-prochem-intervyu>.
- Форсайт Ф. Кобра. Перевод с англ. С. Саксина. М., 2011.
- Харрис Дж. Шоколад. Перевод с англ. И.П. Новоселецкой. М., 2013.
- Forsyth F. The Cobra. New York, 2010.
- Kinsella S. I've got your number. London, 2012.
- Kinsella S. The Undomestic Goddess. London, 2006.
- Lindberg A. Gift from the Sea. New York, 1965.
- Mayle P. A Good Year. New York, 2004
- Mayle P. Encore Provence. London, 2000.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ СТИЛЕВЫХ ЧЕРТ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

В.А. Маркова

Ключевые слова: функциональная стилистика, функциональный стиль, официально-деловой стиль, стилевая черта, информационная емкость.

Keywords: functional stylistics, functional style, official style, stylistic trait, information capacity.

Стилевая черта – одна из базовых характеристик функционального стиля. Со стилевой чертой связывается представление о признаках текста, являющихся следствием реализации функций стиля, которые, в свою очередь, обусловлены экстралингвистическими факторами [Кожина, Котюрова, 2006, с. 403]. Стилевая черта связывает, таким образом, экстралингвистические